

На правах рукописи

Авдеев Олег Константинович

**Проблема личности в русском консерватизме: Н.Н. Страхов, К.Н. Леонтьев,
П.Е. Астафьев**

Специальность: 09.00.03 – история философии

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Москва - 2011

Работа выполнена на кафедре истории русской философии философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Научный руководитель: кандидат философских наук, доцент
Козырев Алексей Павлович

Официальные оппоненты: доктор философских наук
Антонов Константин Михайлович

кандидат философских наук, доцент
Половинкин Сергей Михайлович

Ведущая организация: Институт философии РАН,
сектор истории русской философии

Защита состоится «19» декабря 2011 г. в 15 часов на заседании диссертационного совета Д 501.001.38 по философским наукам при Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова по адресу: 119991, ГСП-1, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корпус 4, Шуваловский учебный корпус, философский факультет, аудитория Е-317.

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале Отдела диссертаций Фундаментальной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова в Шуваловском учебном корпусе по адресу: Ломоносовский проспект, д. 27, корпус 4, сектор «Б», 3-й этаж, к. 300.

Автореферат разослан «___» _____ 2011 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета Д 501.001.38
кандидат философских наук, доцент

В.Ф. Коровин

I. Общая характеристика работы

Актуальность темы исследования.

Вопросы, связанные с понятием личности, занимают особое место в западной культуре и философии. В рамках «личностного» понятийного поля разрешаются фундаментальные вопросы христианского богословия, европейского права (формулирующего проблемы ответственности и личной собственности – и, в особенности, концепцию прав и свобод человека, как одну из важнейших составляющих современной западной цивилизации), психологии и психиатрии, истории.

Постоянно присутствовала проблема личности и в европейской философии, отражающей все характерные черты и изменения самосознания западного мира. В классическом периоде эта проблема поднималась, как правило, в рамках антропологической проблематики либо в рамках философско-психологических исследований и теории познания, находя отражение в «сogito» Р. Декарта, монадологии Г.В. Лейбница, концепции души Дж. Локка, философско-психологических идеях французского спиритуализма (Э.Б. де Кондильяк, А.Д. де Траси, Ф.П.Г. Мен де Биран и др.), в диалектике «я» в немецкой классической философии и других концепциях.

Особое значение проблема личности имеет для русской философии, для которой характерна своеобразная раздвоенность: русская мысль оказывается одновременно и самой человеческой, самой личностной (она «больше всего занята темой о человеке, о его судьбе и путях, о смысле и целях истории»¹), что ярко проявляется, например, в экзистенциализме Н.А. Бердяева и Л.И. Шестова, в философских идеях в творчестве Ф.М. Достоевского, даже в том, что для русских лейбницианцев оказалась полностью неприемлемой лейбницева замкнутость монад), и самой социоцентрической, обращающей внимание не столько на индивида, сколько на человеческую общность (культ народа в революционном движении, идея соборности в религиозной мысли, идеализация общины в социальной философии многих как консервативно, так и революционно настроенных мыслителей и др.); всю историю русской философии, при желании, можно представить как своеобразную «борьбу за личность».

Отдельный интерес в этом отношении представляет плеяда русских консервативных философов XIX века (по преимуществу творивших во второй половине века) – Н.Я. Данилевский, Н.Н. Страхов, К.Н. Леонтьев,

¹ *Зеньковский В.В.* История русской философии. В 2 т. – Т. 1. – Ч. 1. — Л., 1991. – С. 16.

П.Е. Астафьев. Всех этих мыслителей, различающихся исследовательскими стратегиями и многими аспектам их философских взглядов, объединяет в первую очередь «консервативный дискурс» их социальной философии, воззрения на общество, историю и политику. Вопрос о значении понятия личности приобретает особую актуальность применительно к этому направлению, поскольку «консервативный» социально-философский дискурс, отвергающий абсолютную ценность либеральной концепции прав и свобод личности и противопоставляющий им ценности иного порядка (церковь, народ, государство, цивилизацию и т.д.), часто ошибочно рассматривается как своего рода «противоличностная» позиция, полностью отрицающая значение человеческого индивидуума. При этом в философском наследии представителей русского консерватизма персоналистическая проблематика присутствует не только в области социальной и политической философии, но и в других отраслях философского знания.

В настоящей диссертации проблема личности в русском консерватизме рассматривается на основе изучения наследия К.Н. Леонтьева, Н.Н. Страхова и П.Е. Астафьева.

Степень разработанности проблемы.

Историография по исследуемой теме отчётливо разделяется на две основных группы источников. С одной стороны, это исследования русского консерватизма, жизни и творчества Леонтьева, Астафьева и Страхова, среди которых встречаются затрагивающие и персоналистический аспект их философии. С другой – значительно меньшее число специальных работ по проблеме личности, индивидуальности и персональности, создававшихся в последние годы, и которые в целом почти не пересекаются с изучением русского консерватизма.

Осмысление наследия мыслителей русского консерватизма было начато в конце XIX века их современниками, часто с критических и полемических позиций. О философии и личности К.Н. Леонтьева были написаны статьи его друзей и последователей В.В. Розанова, священника И. Фуделя, А.А. Александрова, Евгения Поселянина (Е.Н. Погожев) и Г.И. Замараева, работы которых посвящены в большей степени личным воспоминаниям и обширным выдержкам из текстов Леонтьева, нежели анализу. В то же время, большинство авторов Серебряного века, обращавшихся к анализу жизни и философии Леонтьева, критически подходили к его творчеству. Д.С. Мережковский, С.Н. Трубецкой, Н.А. Бердяев, Ф.Ф. Куклярский,

С.Н. Булгаков, С.Л. Франк и другие – несмотря на всё различие своих взглядов, порою диаметрально противоположных, единодушно критиковали историософские построения Леонтьева и обвиняли его в «иммoralизме» и даже «сатанизме» (Бердяев, Мережковский). Позже в эмиграции, многие из них в той или иной степени пересмотрели свои взгляды. Часть публикаций, посвящённых Леонтьеву, была издана в сборнике «Памяти Константина Николаевича Леонтьева» в 1911 году вместе с подробной библиографией публикаций, посвящённых ему. Другие статьи о Леонтьеве, которые не вошли в сборник 1911 года, были собраны вместе лишь в 1995 году в сборнике «Константин Леонтьев: pro et contra». Девятитомное собрание его сочинений вышло в 1912 году. Публикации о Страхове, выходявшие после его смерти, не очень многочисленны. Среди них следует упомянуть вышедшие в 1896 году, после смерти философа, статьи Н.Я. Грота и Б.В. Никольского, в последующие годы о нём также писали А.И. Введенский, В.А. Гольцев, Э. Радлов, В.В. Розанов, переписка и взаимоотношения Страхова и Толстого рассматривалась в работах, посвящённых последнему. Ещё меньше публикаций современников было посвящено философии П.Е. Астафьева. На протяжении всего XX века Астафьев оставался подлинно «забытым мыслителем» – даже в книге о Василии Зеньковском упоминания о нём отсутствуют. Среди немногих работ отдельного упоминания заслуживает статья-эпитафия А.А. Козлова «П.Е. Астафьев как философ», представляющая собой попытку краткой характеристики основных особенностей философской системы Астафьева, в которой Козлов отмечает его «антисубстанциализм» в качестве главного отличия от других систем русских персоналистов и рассматривает социально-философскую и историософскую позицию Астафьева как случайную и не связанную с его философской системой, вопрос о справедливости этой интерпретации разбирается в третьей главе диссертации.

На протяжении большей части советского периода отечественной истории философское наследие русского консерватизма по понятным причинам изучалось мало. Можно отметить обращение к философии Леонтьева в монографии А.Ф. Лосева, посвящённой Вл.С. Соловьёву, а также исследования, посвящённые Страхову как литературному критику, которыми занимались У.А. Гуральник, В.С. Нечаева, Н.Н. Скотов и другие. Своеобразный ренессанс в изучении русского консерватизма начался в России в конце восьмидесятых годов. Философия Леонтьева стала объектом исследования в работах Л.Р. Авдеевой, Д.М. Володихина, Р.А. Гоголева, К.М. Долгова, А.П. Козырева,

А.А. Королькова, В.И. Косика, В.А.Котельникова, Н.А. Рабкиной, А.Ф. Сивака, О.Л. Фетисенко, С.В. Хатунцева, М.Ю. Чернавского и других авторов, с 2007 года начало выходить в свет (издание не завершено) полное собрание сочинений и писем Леонтьева в двенадцати томах. К настоящему моменту биография и наследие Леонтьева в целом хорошо изучены. Однако основное внимание при этом уделялось его социально-политическим и религиозным взглядам. Не подвергшийся столь всеобъемлющему забвению в советскую эпоху как Константин Леонтьев, Страхов не имел и подобного всплеска исследовательского интереса в последнее время. Среди посвящённых ему работ следует назвать работы Л.Р. Авдеевой, А.Б. Тарасова, другие исследования философии почвенничества, в которых внимание уделялось, в том числе, биографии и философии Страхова, исследование Б.П. Балужева, посвящённое Н.Я. Данилевскому, но уделяющее значительное внимание его переписке со Страховым, и тексты Н.П. Ильина, опубликовавшего в 2007 году работу Страхова «Мир как целое» и снабдившего её обширным предисловием, в котором рассматривается актуальность философии Страхова. Отдельно следует отметить монографию Е.А. Антонова, в которой наследие Страхова рассматривается с антропологических позиций как антропоцентризм. Из последних работ можно назвать монографию Н.В. Снетовой «Философия Н.Н. Страхова», особое внимание в которой уделяется значению органицизма для его философии, пониманию науки Страховым и его антропологии, а также коллективную монографию «Н.Н. Страхов в диалогах с современниками. Философия как культура понимания», вышедшую в 2011 году. Среди обратившихся к изучению философии Астафьева можно назвать Н.К. Гаврюшина, М.А. Прасолова, М.Б. Смолина и уже упоминавшегося выше Н.П. Ильина. Кроме того, существует целый ряд более общих исследований, посвящённых русскому консерватизму в целом, и авторов, занимающихся этой тематикой. В их числе А.В. Репников, С.Т. Кармизова и многие другие авторы. При этом, как правило, интерес их направлен в большей степени на политическую, а не философскую (за исключением философии истории, находящейся на особом положении, как политически актуальной) составляющую их наследия.

В работе используются также иностранные работы, посвящённые русскому консерватизму, в частности для анализа соотношения свободы и индивидуальности в философии Леонтьева применяется концепция «консервативного стиля мышления» К. Маннгейма. В целом же философия

русского консерватизма исследована крайне неравномерно, как в смысле различных авторов, так и в смысле контекстов изучения, в ней всё ещё остались «белые пятна».

Что касается второй группы источников, посвящённых проблемам личности, индивидуальности и персональности, их число существенно меньше. Так, в диссертационном исследовании К.М. Антонова «Философское наследие И.В. Киреевского. Антропологический аспект» рассматривается понимание личности И.В. Киреевским в его философии и мировоззрении разных периодов, а также источники формирования его взглядов на личность и природу человека, включая христианскую антропологическую традицию и немецкий романтизм. Кроме того, к персоналистической проблематике в русской философии обращаются исследователи русского лейбницианства, философии Н.А. Бердяева, П.А. Флоренского и ряда других авторов. Среди работ, посвящённых этим мыслителям, следует назвать исследования В.А. Шапошникова, рассматривающего философию Флоренского как «персоналистический платонизм», работы С.М. Половинкина, посвящённые Флоренскому, в особенности, его доклад на историко-методологическом семинаре «Русская мысль» в РХГА «К истории русского персонализма: отец Павел Флоренский», его же публикации, посвящённые лейбницианству Н.О. Лосского и Н.В. Бугаева, в которых выделяются и систематизируются основные сходства и различия монадологий русских мыслителей и монадологии Г.В. Лейбница, а также диссертацию М.А. Прасолова «Субъект и сущее в русском метафизическом персонализме», в которой обосновывается связь русского лейбницианства не исключительно с философией Лейбница, но со всей новоевропейской философской традицией и свойственный ему эвиденциализм – стремление к опоре на очевидность.

Особая традиция исследования личностной проблематики, совмещающая анализ психологических, юридических и культурологических аспектов проблемы и подход к вопросу с обобщающих философских позиций, существует в западной философии. На русской почве это современное направление исследований представлено, прежде всего, сборником «Персональность. Язык философии в русско-немецком диалоге», изданном по итогам реализации проекта «Концепты персональности в истории русско-немецких культурных связей». Сборник отличается широтой охвата тем, а в качестве предмета исследований в нём заявлено всё «поле значений», связанных с понятием личности – от единства сознания до божественных ипостасей. При этом книга

имеет заметный уклон в направлении философско-лингвистического анализа в духе современной европейской «истории понятий» (Begriffsgeschichte).

Следует отметить, что, несмотря на широкий охват материала (от В.А. Жуковского и славянофилов до А.Ф. Лосева и советской культуры), в текстах сборника не рассматривались мыслители консервативного направления, и даже в библиографии «Дискурс персональности в русской философской литературе. 1861-1922», подготовленной в рамках того же проекта и опубликованной на его странице на сайте Рурского университета в Бохуме², работам русских консерваторов уделено крайне мало внимания. Фактически в библиографию включены только тексты Астафьева – немногие и далеко не основные; при этом упомянуты лишь три работы Страхова по частным вопросам, а Леонтьев в списке авторов работ, связанных с темой персональности, и вовсе не числится.

Особо следует отметить несколько работ, проблематика которых непосредственно связана с проблемой личности в русском консерватизме. Это, прежде всего, статья М.А. Прасолова «Два консерватизма: П.Е. Астафьев и К.Н. Леонтьев», материал и выводы которой используются в четвёртой главе диссертации. Другой важной для данной темы работой является монография Е.А. Антонова «Антропоцентрическая философия Н.Н.Страхова как мыслителя переходной эпохи». В ней последовательно обосновывается антропоцентрический характер всех составляющих философской системы Страхова. Следует также отдельно отметить Н.П. Ильина, в книге которого «Трагедия русской философии» рассматривается не консерватизм (само понятие которого необходимо подразумевает объединение мыслителей, прежде всего, по социально-политическому признаку), а «философия, которую мы потеряли», под которой Ильин понимает плеяду русских философов-идеалистов и литераторов второй половины XIX века, включая Страхова, Астафьева, П.А. Бакунина, В.А. Снегирёва, Л.М. Лопатина и др. Идеи этих мыслителей представляются Ильину подлинной «русской национальной философией», незаслуженно задвинутой в тень религиозно-философским ренессансом начала XX века. Особое внимание Ильин обращает на то значение, которое исследуемые им философы придают человеческой личности, яркому развитию индивидуальности, доказательству свободы воли и возможности личного

² Дискурс персональности в русской философской литературе. 1861-1922. Избранная библиография журнальных статей. / Составитель И.В. Борисова // <http://dbs-win.rub.de/personalitaet/pdf/180.pdf>.

познания Божества, что, в конечном счёте, определяется им как одна из характерных черт «подлинной» русской философии. Наконец, существенное внимание соотношению понятий свободы и индивидуальности в русском консерватизме уделено в монографии Э.А. Попова «Русский консерватизм: идеология и социально-политическая практика», в которой опровергается представление о недооценке значения личности в русском консерватизме.

Таким образом, прежде вопрос о личности в русском консерватизме специально не рассматривался. Эта тема, опираясь на уже существующие исследования, является их дальнейшим развитием и служит более полному раскрытию особенностей и более глубокому пониманию как русского консерватизма, так и персоналистического аспекта русской философии.

Объект исследования: философия русских консерваторов второй половины XIX века.

Предмет исследования: концепции личности, персональности и субъекта, созданные русскими консервативными мыслителями, и отражение этих концепций в их философии и эпистолярном наследии.

Следует подчеркнуть, что предметом анализа выступают философские представления о личности не всех русских консерваторов, а только некоторых из них: К.Н. Леонтьева, Н.Н. Страхова, П.Е. Астафьева. Это обусловлено значимостью и разноплановостью этих фигур. С одной стороны, области интересов, методы и подходы к изложению указанных авторов существенно отличаются и позволяют рассмотреть предмет исследования во всех возможных его проявлениях от онтологии до философии истории, с другой стороны, не вызывает сомнений, что их творчество находится в проблемном поле именно философии, а не только политической публицистики и литературной критики, и обладает высокой значимостью для характеристики русского консерватизма как направления в целом. Это позволяет считать нашу выборку репрезентативной.

Цель и задачи исследования. Основной целью данного исследования является историко-философская реконструкция и всесторонняя характеристика философских концепций личности и индивидуальности в философии К.Н. Леонтьева, Н.Н. Страхова и П.Е. Астафьева, а также выявление значения персоналистической проблематики для философии русских консерваторов второй половины XIX века.

Достижение данной цели потребовало решения следующих исследовательских задач:

- установить историко-философский контекст формирования взглядов на проблему личности представителей русского консерватизма;
- проанализировать содержание философских и психологических взглядов представителей русского консерватизма на проблемы личности, индивидуальности, «я» и субъекта, обращая особое внимание на концептуальные аспекты полемики К.Н. Леонтьева и П.Е. Астафьева, Н.Н. Страхова и П.Е. Астафьева, связанной с персоналистической проблематикой;
- проанализировать контексты употребления персоналистической лексики как в философском, научном и публицистическом, так и в эпистолярном наследии русских консерваторов;
- проследить взаимосвязь историософского органицизма и индивидуалистической социальной философии;
- определить место персоналистической проблематики в работах К.Н. Леонтьева, Н.Н. Страхова и П.Е. Астафьева и её значение для философии русских консерваторов в целом.

Теоретико-методологические основы исследования.

В целом методология исследования опирается на историко-философский анализ и герменевтическое истолкование источников, как философского и эпистолярного наследия русских консерваторов, так и более широкого круга смежных авторов. Это позволяет не только констатировать взгляды указанных мыслителей, но и проследить их формирование и связь с другими философскими направлениями.

Анализ источников дополняется методом историко-философской реконструкции, что позволяет выявить и описать концепции и воззрения, не высказанные в тексте последовательно и явно, а также рассмотреть мировоззрение каждого автора и русского консерватизма в целом.

Кроме того, несмотря на известную отдалённость объекта исследования от нашего времени, современное состояние философии и историко-философской науки требует привлечения, наряду с традиционными, новых методологических установок и новых методов исследования из области современной философии личности. В частности, одним из таких методов будет семантический анализ дискурса персональности в русском консерватизме.

Научная новизна исследования заключается в проведении всестороннего историко-философского анализа проблемы личности в

философии русских консерваторов, что реализуется в настоящей работе в следующих элементах:

- обращение к наследию редко изучаемых русских философов – Н.Н. Страхова и П.Е. Астафьева, творчество которых по сей день остаётся малоисследованным;

- обращение к философской составляющей русского консерватизма;

- сквозное рассмотрение персоналистической проблематики в разных темах и контекстах философии русских консерваторов;

- рассмотрение наследия русских консерваторов в контексте современных исследований по проблеме личности и персональности в русской философии;

- анализ повседневного и философского языка русских консерваторов;

Положения, выносимые на защиту.

1. Философия русских консерваторов может рассматриваться как течение в отечественной философии, в котором социально-философская, метафизическая, натурфилософская и другие составляющие развиваются в рамках единого подхода, основанного на органицизме, и особой интерпретации личности, индивидуальности, самости и всего круга персоналистических понятий.

2. Среди контекстов, в которых происходит обращение к проблеме личности, следует назвать *онтологический* (ярче всего персоналистический характер онтологии выражен в спиритуализме Астафьева), тесно связанный с ним *гносеологический* (концепция «я» как познающего субъекта у Страхова, внутренний опыт как первичная реальность у Страхова и Астафьева), *психологический* (единство «я» у Страхова, философия деятельного усилия у Астафьева), *богословский* («трансцендентный эгоизм» Леонтьева, различение двух видов нигилизма у Страхова, интерпретация христианства как персоналистической религии у Астафьева), *антропологический* (прежде всего, понимание человека у Страхова) и, наконец, *историософский и политический* («органическое» понимание нации, культуры и государства, свойственное консерватизму как целому).

3. Персоналистические идеи, получившие в философии К.Н. Леонтьева, Н.Н. Страхова и П.Е. Астафьева оригинальное и творческое развитие, восходят как к христианской богословской и антропологической традиции, так и к европейской гносеологии и антропологии Нового времени (от Р. Декарта и Г.В. Лейбница до французской философско-психологической мысли Мен де Бирана и индивидуалистического позитивизма Дж.Ст. Милля).

4. Одной из общих черт философских концепций русских консерваторов является их органицизм, заметный, прежде всего, в историософии, начиная с Н.Я. Данилевского, но пронизывающий также их натурфилософию, антропологию и находящий наиболее полное выражение в законе триединого процесса развития К.Н. Леонтьева, претендующем на универсальность и всеобщность.

5. Другой чертой философии русских консерваторов является особый дискурс личности, раскрывающий это понятие, прежде всего, через индивидуализацию, превозносящий всякую особенность и обособленность. В области антропологии это выражается в ценностном противопоставлении индивида и личности (обладающей ярко выраженной индивидуальностью); индивидуализма - индивидуальности. В политическом контексте это выражается в отвержении как нигилизма, отрицающего самостоятельную ценность лица, так и либерализма, уравнивающего индивидов в их ценности.

6. В политической философии русского консерватизма высшей ценностью являются не те или иные общественные институты и традиции сами по себе (монархия, традиционный или капиталистический экономический уклад, община), но человеческая личность. Острые полемики консерватизма направлено не против свободы, но против либеральной интерпретации этого понятия, которая представляется лишь абсолютизацией «индивидуализма» (Леонтьев) и «эгоизма» (Страхов). Подлинная свобода – это свобода самобытного развития личности, для которой необходимы внешние опоры и ориентиры – национальность и народность (по мнению Астафьева) или государственность, религия или строгое принуждение (по мнению Леонтьева).

7. В дискурсе всех исследованных мыслителей присутствует противопоставление новоевропейских либеральных ценностей ценностям традиционным и христианским по признаку их персоналистичности: христианское мировоззрение рассматривается ими как благоприятное для развития личности в отличие от господствующего в современной им Европе индивидуалистического, отрицающего религию или оставляющего для неё место личного суеверия.

8. Связующим звеном между органицизмом и метафизикой личности в философии русских консерваторов является понятие индивидуальности, одновременно биологическое и социальное, применяемое и к культурам, и к народам, и к личностям, и к организациям, и к монадам.

Научно-практическая значимость исследования.

Материалы диссертационного исследования могут быть использованы в общих и специальных курсах по истории философии, а также при изучении истории русской философии и культуры. Материалы и выводы диссертации могут стать основой для дальнейших исследований по широкому кругу историко-философских и культурологических проблем.

Апробация работы.

Диссертация обсуждалась и была рекомендована к защите на заседании кафедры истории русской философии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Основные идеи диссертации докладывались на XVIII международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов-2011». Основные положения диссертации нашли своё отражение в статьях «Личность и индивидуальность в философии Константина Леонтьева» и «Личность и индивидуальность в философии Николая Стрехова», опубликованных в журналах, включённых в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК Министерства образования и науки РФ (перечень даётся в конце автореферата).

Структура диссертационного исследования. Тема и строение работы определены её целями и задачами. Работа состоит из введения, четырёх глав (10 параграфов), заключения, списка использованной литературы и источников (155 позиций). Общий объём – 165 с.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы исследования, описывается степень научной разработанности проблемы, определяется теоретическая и методологическая основа исследования, формулируются цель и задачи диссертационного исследования, а также положения, выносимые на защиту, и их научная новизна.

В **первой главе «Личность и индивидуальность в философии Константина Леонтьева»** анализируются обращения к теме личности в творчестве Леонтьева, персоналистические аспекты его философии культуры и истории, консервативной концепции свободы, а также даётся семантический анализ персоналистического языка философских, публицистических и эпистолярных текстов Леонтьева.

В **параграфе 1.1. «Личность и индивидуальность в культурно-исторической концепции К.Н. Леонтьева»** диссертант рассматривает значение

персоналистической проблематики для историософии Леонтьева. На основании исследования текстов Леонтьева диссертантом выделяется два основных варианта концептуализации персоналистической проблематики в его философии.

1. Особое понятие человеческой личности и значение, придаваемое ей, как отличительная черта европейского культурно-исторического типа. Диссертант демонстрирует, что в работе Леонтьева «Византизм и славянство» романо-германский культурно-исторический тип несколько раз характеризуется как наиболее индивидуализированный и высоко ценящий отдельную человеческую личность. В этой особенности европейской «образованности» Леонтьев видит главную причину того, что эгалитарные признаки старения и гибели цивилизации проявились в ней отчётливее, чем когда-либо в истории.

2. Сопоставление личности человеческой и «личности государственной», которое диссертант выделяет в рамках характерного для историософии Леонтьева органицизма. История рассматривается Леонтьевым как состоящая из естественных циклов развития различных социально-органических общностей (народов, государств и культур) подчиняющихся тем же законам, что и живые организмы. Понятие развития Леонтьев заимствует из естественных наук и понимает его как усложнение, сопряжённое с индивидуализацией и обособлением от сходных явлений. В параграфе отмечается, что развитие государств и культурно-исторических типов рассматривается Леонтьевым по аналогии с развитием личности, что ярче всего выражается в характерном для него противопоставлении индивидуальности и индивидуализма (под которым понимается идеология или общественный строй, который, в качестве высшей ценности постулирует права личности и равенство перед законом). В качестве наиболее характерного примера такого понимания в диссертации приводится тезис Леонтьева, равно применяемый им и к человеческим индивидуумам, и к народностям: «индивидуализм убивает индивидуальность» (применительно к нации – «национализм убивает национальность»). Стремление к снятию ограничений с человека в обществе (юридических, сословных) или с народа (стремление к политической независимости от других государств, мировых церквей и т.п.) приводит не к возрастанию индивидуальности, а, напротив, к смешению и уподоблению другим индивидуумам, поскольку особая индивидуальная форма напрямую связана с теми ограничениями, которые её задают. При этом индивидуализм оказывается, с одной стороны, признаком упадка, а с другой – особенностью европейского культурно-исторического типа,

предрасположенность к которой была заложена в нём изначально, из-за чего индивидуализм так ярко и проявился в ней на завершающем этапе её тысячелетнего существования.

В параграфе 1.2. «Понимание свободы и индивидуальности в философии К.Н. Леонтьева» анализируется отношение Леонтьева к философии Дж.Ст. Милля, выявляется особое понимание Леонтьевым свободы, противостоящее либеральной интерпретации этого понятия, обосновывается связь леонтьевского концепта свободы с понятиями личности и индивидуальности и с историософией Леонтьева, выявляются сходства и различия его стиля мышления с «консервативным стилем мышления», как его определяет К. Маннгейм.

Консерватизм традиционно представляется мировоззрением, отстаивающим высшую ценность традиционных социальных институтов в противовес высшей ценности свободы лица, утверждаемой либерализмом. Вместе с тем, ряд исследователей (например, Э.А. Попов) отмечает ограниченность подобного понимания и важность темы свободы для консерватизма, наличие в нём особой концепции свободы.

В качестве одного из наиболее ярких свидетельств наличия такой концепции у Леонтьева диссертант приводит интерес Леонтьева к личности и философии Дж.Ст. Милля, работу которого «О свободе» он частично перевёл и снабдил комментарием, где подчеркнул верные с его точки зрения мысли Милля. Согласие Леонтьева вызвало, прежде всего, то, что «великий, главный принцип, к подтверждению которого направлены все доказательства в этой книге, состоит в существенной, абсолютной необходимости самого пышного, самого разнообразного человеческого развития»³, что при наличии политической свободы разнообразие самовыражения (и, как следствие, – человеческих типов) может подавляться неюридическими регуляторами, включая общественное мнение, которое есть власть «коллективной посредственности». Статья Милля послужила для Леонтьева дополнительным подтверждением того, что разнообразие развития личности не просто абсолютно необходимо, оно есть высшая цель развития.

На основании текстов Леонтьева в параграфе реконструируется его понимание подлинной свободы личности: «реальная свобода лица» понимается им как возможность самостоятельного, уникального развития личности, как

³ Цит. по: *Леонтьев К.Н.* Мнение Дж.Ст. Милля о личности // Полн. собр. соч.: В 12 т. – СПб., 2005. – Т. 7. Кн. 1 – С. 7.

«свобода» быть собой и жить по-своему. Это свобода не юридическая, для неё не требуются никакие специальные права и законодательное закрепление, и «которая возможна даже и в Китае при существовании пытки...»⁴. Вместе с тем, диссертант делает вывод о нетождественности леонтьевского понимания свободы принципу свободы воли, так как, по Леонтьеву, она не является чем-то автоматически данным каждому человеку: для такой свободы крайне необходимы, во-первых, разнообразие окружающей действительности (обилие впечатлений и невольные различия в образе жизни, лучшим источником которых оказываются разница общественных положений и институты войны и традиционной религии), а во-вторых, наличие неких ограничивающих рамок, в отсутствии которых большинство людей утрачивает всякую индивидуальность. Именно поэтому индивидуализм и эгалитаризм традиционной либеральной свободы представляются Леонтьеву вредными и опасными: во имя абстрактных прав человека на независимость они снимают с него те рамки, которые только и позволяют формироваться действительной индивидуальности. Диссертант отмечает, что одним из частых у Леонтьева примеров пользы таких ограничений является монастырская жизнь, в которой подчинение индивидуальной воли достигает едва ли не крайних форм, но которая при этом, как многократно свидетельствует Леонтьев, куда разнообразней, чем жизнь европейского буржуа, а афонские монахи – куда разнообразнее «средних европейцев».

При рассмотрении образа мыслей Леонтьева в контексте концепции К. Маннгейма диссертант констатирует, что философия свободы Леонтьева в целом вполне вписывается в «консервативный стиль мышления», соответствует утверждению Маннгейма о том, что консерваторы «выработали нечто, что можно было бы назвать качественной идеей свободы в отличие от её революционно-эгалитарной концепции»⁵, и что в рамках консервативных представлений о свободе «люди принципиально неравны, неравны талантом и способностями, неравны в самом существе своём. Свобода может таким образом основываться исключительно на способности каждого индивидуума к развитию без препятствий со стороны других согласно праву и обязанностям собственной личности»⁶. В то же время диссертант отмечает, что, в отличие от рассматриваемых Маннгеймом западных консерваторов, Леонтьев не отстаивает идею «перемещения» свободы «к «подлинным носителям» и «подлинным

⁴ Леонтьев К.Н. Чем и как либерализм наш вреден? // Полн. собр. соч.: В 12 т. – СПб., 2006. – Т. 7. Кн. 2. – С. 132.

⁵ Маннгейм К. Консервативная мысль // Социологические исследования. – 1993. № 4. - С. 142.

⁶ Там же.

субъектам» свободы, то есть к коллективам, органическим сообществам, сословиям»⁷. Его отношение к ним вполне утилитарное, те или иные социальные институты хороши не сами по себе, но в силу своей пользы для сохранения разнообразия. В силу этого Леонтьев не защищает упорно наличные институты, но, напротив, находится в поисках новых, более оригинальных и более эффективных – то рассуждая о возможности альянса монархии и социализма, то развивая проект фактического прикрепления дворян к земле.

В параграфе 1.3. «Персоналистическая лексика в философско-публицистических текстах и эпистолярном наследии К.Н. Леонтьева» анализируется язык философии Леонтьева, определяются основные контексты использования им персоналистической лексики и особенности понимания личности в «языковой картине мира» этого автора.

Из всех представителей русского консерватизма Константин Леонтьев чаще всего говорит собственно о личности человеческой. Важность этой темы становится ясной в контексте вышеизложенных его взглядов – для Леонтьева яркость личности, резкое развитие индивидуальности всегда являлось знаком наиболее важного, совершенного, лучшего. При этом концепция Леонтьева, «эстетизм» (притом понимаемый как единственно объективный критерий оценки) которого многократно подчёркивался им самим и, впоследствии, исследователями его философии и биографии, органически проистекал из его личного вкуса и подхода к жизни и был полностью согласен с ними. Внимание к личности оказывается у Леонтьева как философски значимым, так и характерным для его эстетического взгляда на мир.

На основе анализа текстов Леонтьева удалось выделить следующие контексты употребления персоналистической лексики:

1. «Личность» и «лицо» как указание на конкретного индивида, для выделения из толпы статистов. Часто используется Леонтьевым для исторических лиц.
2. Личность как характеристика человека, поднимающегося над общим уровнем, как принцип индивидуации. По смыслу противопоставляется «безличности». Примеры такого использования чаще всего относятся к изложению его философских взглядов на значение индивидуальности.
3. Личность как противоположность идеям, взглядам, деятельности человека. Личность как то, что можно уважать в оппоненте, или же, напротив, как нечто, вызывающее неприязнь, несмотря на единомыслие. Для Леонтьева характерно жёсткое отделение взглядов и поступков человека от его личности.

⁷ Мангейм К. Консервативная мысль // Социологические исследования. – 1993. № 4. - С. 142.

В его переписке можно найти многочисленные примеры того, как он испытывал симпатию или уважал лично людей, являвшихся в то же время его оппонентами или врагами, боровшихся против того, что он защищал.

4. Личное как сфера частного, в противоположность жизни общественной. Этот вид употребления персоналистической лексики относится, конечно, в первую очередь к эпистолярному наследию автора и служит как для отделения субъективного от объективного в жизни (внутренней жизни души с её радостями и горестями – от успехов и неудач человека во внешнем мире), так и для различения частной и публичной жизни.
5. Личное как область веры и нравственного закона, в противоположность политической, социальной, экономической жизни и закону юридическому, сердца в противоположность разуму.
6. Личное как противоположность группового, народного. Здесь личное в человеке связывается с его несводимостью к общему, с индивидуальными особенностями, характером и темпераментом, которые отнюдь не тождественны национальным чертам.

В эпистолярном наследии К.Н. Леонтьева можно встретить как уже знакомые по его философским работам контексты употребления персоналистической проблематики, так и некоторые новые, характерные, прежде всего, для его переписки. Анализ языка Леонтьева подтверждает значение, придаваемое им индивидуальности человека, а в его эпистолярных текстах рельефно проступает специфическое понимание личности – как «выразительной индивидуальности», прошедшей развитие и сумевшей сформировать свою уникальную форму.

В целом диссертант констатирует, что в философии Леонтьева персоналистическая проблематика играет важную роль. И, хотя Леонтьева вряд ли можно назвать «философом-персоналистом» в собственном смысле этого слова, проблема личности имеет для его системы особое значение. Леонтьев как человек и как философ отталкивается от определённого идеала, как идеализируемого им с эстетической точки зрения, так и представляющегося вершиной развития с точки зрения его философии, в качестве которого выступает не столько конкретный тип личности, сколько разнообразие и максимально выразительно развитие человеческой индивидуальности. Этот идеал, наряду с влиянием православия (сочетание этих двух факторов и было причиной многочисленных обвинений в отсутствии целостности его системы) в значительной степени определил всю его философию. Его культурно-

историческая концепция строится на основе органицизма, свойственного консервативной историософии в целом, который позволяет сопоставлять личность человеческую и «личность государственную», и понятия индивидуальности, на котором основано его понимание законов развития. Этот идеал лежит в основе его представлений о свободе, его симпатий к пессимизму А. Шопенгауэра и Э. фон Гартмана и его критики либерализма. Этот фактор в значительной степени повлиял и на другие аспекты мысли Леонтьева: апологетику «трансцендентного эгоизма» и страха Божия, позицию по Восточному вопросу, и даже на его художественное творчество.

Во второй главе **«Человек, личность и субъект в философии Н.Н. Страхова»** раскрывается персоналистическое содержание философско-психологических, антропологических и натурфилософских построений Страхова, а также даётся семантический анализ персоналистического языка его философских, публицистических и эпистолярных текстов.

В параграфе 2.1. **«Понимание личности, «я» и субъекта в философско-психологической концепции Н.Н. Страхова»** анализируется персоналистическая концепция познания Страхова, его понимание соотношения гносеологического субъекта и человеческой личности.

Излагая гносеологические взгляды Страхова, диссертант выявляет лежащую в основе его теории познания антропоцентрическую установку: «для человека исходной точкой всегда будет и должен быть сам человек»⁸. В качестве необходимой основы человеческого знания Страховым предлагается картезианское методологическое сомнение, которое позволяет, во-первых, обосновать существование самого мыслящего и сомневающегося субъекта, а во-вторых, – разделить возможный опыт на внутренний и внешний, из которых непосредственно достоверным является только первый – внутренний мир субъекта. Таким образом, наиболее продуктивным методом познания оказывается интроспекция. Опираясь на ряд высказываний Страхова в указанном сочинении и в его письмах, диссертант заключает, что столь же объективное познание внешнего мира Страхов считал невозможным и интерпретировал в духе современного радикального конструктивизма. В параграфе приводится фрагмент из переписки Страхова с Л.Н. Толстым, в котором он обосновывает принципиальную субъективность научного познания, которое всегда есть познание нашего отношения к вещам, а не самих вещей. При этом главную ошибку нашего ума Страхов видит в том, что это познанное

⁸ Страхов Н.Н. Мир как целое. – М., 2007. – С. 70.

отношение мы ошибочно принимаем за сущность самой познаваемой вещи. В то же время, Страхов отмечает ограниченность интроспективного познания одним познающим субъектом, отмечает особое значение телесности человека (и неразрывной связи многих психических процессов в его душе с изменениями и движениями тела), вследствие чего «объективный мир есть вообще неизбежная среда взаимного понимания независимых друг от друга духовных существ»⁹.

Вторым существенным с точки зрения проблемы личности аспектом, выделяемым диссертантом в психологической мысли Страхова, является вытекающее из его гносеологии утверждение единства и непознаваемости субъекта (он же «внутреннее я») и последовательное различие «субъективного» и «объективного» «я» - субъекта и его «нравственной личности», причём последняя оказывается полноценным объектом и доступна познанию средствами интроспективной психологии. Анализируя материалы психиатрических исследований, Страхов категорически отрицает возможность интерпретации раздвоения личности как раздвоения субъекта, «я» в человеке. По мнению Страхова, описываемые пациентами симптомы означают только, что ряд психических явлений, понимавшихся субъектом (т.е. объективированных им) как его «я», его «нравственная личность», «вышел из законной власти своего центра»¹⁰. Более того, подобное разделение может существовать и не в болезненном состоянии, человек способен как к отстранённому наблюдению за самим собой, так и к недовольству собой и даже к осуждению совершаемых им поступков.

В данном параграфе диссертации также рассматриваются понятия истины, добра и свободы (свободной воли) в философии Страхова, которые он не вполне убедительно (что подтверждает в переписке с Л.Н. Толстым сам Страхов) интерпретирует как некие «модусы мышления», без которых невозможны наше познание, этическое сознание и деятельность, но которые сами по себе не являются объектами и, соответственно, недоступны познанию.

В параграфе 2.2. «Личность человека в натурфилософии и антропологии Н.Н. Страхова» исследуются представления Страхова о значении человеческой личности и особенности его органицизма.

Натурфилософская концепция Страхова представляет собой иерархическую систему, в которой мир предстаёт разделённым на уровни по сложности (материальное тело, организм, животное, человек), так что каждый

⁹ *Страхов Н.Н.* Об основных понятиях психологии и физиологии. – СПб., 1886. – С. 28.

¹⁰ Там же. С. 64.

следующий уровень природы полностью включает в себя предыдущий, но не ограничивается им. Так, органическая жизнь обладает всеми свойствами материальных тел и выполняет все применимые к ним законы. Человек в системе Страхова оказывается высшей, наиболее совершенной формой, высшей ступенью мироздания, выше которой существовать уже не может.

В контексте исследуемой в работе проблемы личности диссертантом отмечаются следующие существенные особенности системы Страхова.

Во-первых, главными отличиями человеческого уровня бытия от предшествующего животного уровня выступают свойства, связываемые с наличием у человека личности: наличие сознания и свободы воли.

Во-вторых, за счёт наличия сознания человек оказывается, существом одновременно самым зависимым и самым свободным. Влияние на него оказывают не только физические воздействия, но и всё, воспринимаемое им во внешнем мире, причём человек способен поддаваться одним и противостоять другим влияниям. Не влияния формируют человека, но он сам формирует себя посредством их. В системе Страхова диссертант выделяет любопытные параллели с экзистенциализмом (вплоть до почти текстуального совпадения с основными тезисами работы Ж.-П. Сартра 1946 года «Экзистенциализм – это гуманизм»): Страхов не только полагает, что начинать познание можно и нужно с человека, но и утверждает, что сущность человека не определена от рождения и не подвластна обстоятельствам - и «жизнь есть не что иное, как образование этой сущности»¹¹.

Кроме того, в рамках данного параграфа диссертант рассматривает отмечаемый в текстах Страхова органицизм, сходный с леонтьевским, но отличающийся от него некоторыми аспектами: в частности, Страхов так же, как и Леонтьев рассматривает развитие, как стремление организма к некоторому идеалу, за достижением которого следует упадок и гибель. Эту схему он применяет не только к человеку (объясняя стабильность личностных качеств человека после определённого возраста достижением этой высшей точки его развития, а смерть полагая благом, так как она не даёт человеку «пережить себя»). Но, в отличие от Леонтьева, распространявшего свой «закон развития» едва ли не на все явления и процессы от пневмонии до формирования планет, Страхов относит его лишь к органическому уровню бытия и вышестоящим структурам, противопоставляя органическое развитие «круговороту» неорганического мира.

¹¹ *Страхов Н.Н.* Мир как целое. – М., 2007. – С. 200.

В параграфе 2.3. «Персоналистическая лексика в философско-публицистических текстах и эпистолярном наследии Н.Н. Страхова» анализируется язык философии Страхова, определяются основные контексты использования им персоналистической лексики и особенности понимания личности в «языковой картине мира» этого автора

Поскольку в философских текстах Страхова сравнительно немного персоналистической лексики (за исключением философско-психологического термина «я» в «Основных вопросах психологии»), наибольшее внимание диссертантом уделяется анализу эпистолярного наследия философа – его переписки с В.В. Розановым, Л.Н. Толстым и другими представителями литературы и философии второй половины XIX века.

Понятие «личность» и его производные встречаются у Страхова в следующих контекстах:

1. Личность как синоним внутреннего мира человека – в противоположность миру внешнему.
2. Личность как противоположность деятельности, поступкам, публичному образу или текстам обсуждаемого человека. То, что можно уважать в оппоненте, несмотря на несходство взглядов, или, напротив, к чему можно испытывать неприязнь вопреки сходству убеждений и жизненных целей.

Подобно Леонтьеву, Страхов также часто различает собственное отношение к человеку от объективной оценки его дел.

Часто в этом контексте термин «личность» опускается, но различие дел и личности, взглядов и личности остаётся неизменным.

3. Личность как характеристика харизматичного человека, его выдающихся качеств, как принцип индивидуации.
4. Личное как противоположное абстрактному в тексте письма, как относящееся непосредственно к респонденту, а не к человеку и человечеству вообще. Личность как сфера приватного, как частная жизнь:
5. Личность как индивидуальность, как совокупность уникальных качеств человека, несводимых ни к какому образцу или системе.
6. Лицо как обозначение литературного персонажа или образа.

Кроме того, в «персоналистическом» лексиконе эпистолярного наследия выделяются и другие понятия:

1. Натура или природа человека как совокупность данных ему личностных качеств, в значении той «сущности человека», о которой говорится в работе «Мир как целое».

2. Противопоставление «отречения от своего я» как христианского (и общерелигиозного) идеала – и «эгоизма» как поклонения собственному «я». В письмах Толстому Страхов, по сути, развивает собственную концепцию «двух отрицаний», не сведённую в единое целое в опубликованных текстах, однако достаточно последовательную. Если Леонтьеву различие между сознанием эгалитарным и сознанием христианским представлялось противостоянием «земного» и «трансцендентного» эгоизма, то для Страхова это антитеза эгоизма и альтруизма. Подобно Леонтьеву, Страхов в своей переписке с Толстым противопоставляет индивидуализму и эгоизму современного человечества (либеральному стремлению переделать весь мир на основании священности и высшей ценности эгоистических желаний каждого человека) христианство, понимаемое им, в отличие от Леонтьева, не как «трансцендентный эгоизм», но как альтруизм.

В третьей главе «Персоналистическая философия П.Е. Астафьева» рассматривается гносеологическая концепция Астафьева, его монадология и персоналистическая интерпретация религии.

В параграфе 3.1. «Субъект и воля в гносеологической концепции П.Е. Астафьева» показываются идейные корни философии Астафьева и обосновываются его отличия от других русских персоналистов. Диссертант обосновывает тезис о том, что место лейбнизианской концепции множественных субстанций, лежащей в основе философских систем А.А. Козлова, Л.М. Лопатина, Н.О. Лосского и других русских лейбнизианцев, в философии Астафьева занимает психологическая концепция Мен де Бирана.

В параграфе также рассматривается интерпретация веры Астафьевым как личного отношения человека к трансцендентальному Богу, которое основано на «охотном согласии» (по Григорию Богослову), а не на «геометрической необходимости», вследствие чего в религии первична волевая, а не рациональная составляющая человеческого духа. Диссертант отмечает сознательное стремление Астафьева к согласованности его философии со святоотеческой мыслью и православным вероучением и принципиальное сходство его философии религии с позицией ряда представителей современного православного богословия, рассматриваемого на примере концепции греческого богослова Х. Яннараса. Их объединяет констатация мировоззренческого кризиса второй половины XIX и XX века соответственно, поиски причин этого кризиса в излишней рационализации сознания в ущерб другим сторонам человеческого духа, берущей начало от средневековой схоластики и неизбежно приводящей в

итоге к абсолютизации рационального познания и противопоставлению его вере. Наконец, богословие Яннараса и философия Астафьева сходятся в предполагаемом пути выхода из кризиса – возрождении религиозного сознания, основанного на непосредственном отношении с трансцендентным через личное отношение к личному Богу, традиция и верное понимание которого, по их мнению, сохранилось, прежде всего, в православии.

Проводя аналогию с представлениями Леонтьева, диссертант отмечает, что единственной реальной альтернативой возрождению религиозного сознания Астафьеву представляется пессимизм (ярче всего проявившийся в философии А. Шопенгауэра и, в особенности, Э. фон Гартмана), являющийся последним выводом из радикально рационалистического мировоззрения.

В конце параграфа раскрывается понимание Астафьевым философии – не как науки, но как индивидуального мировоззрения, которое при этом стремится к объективному осмыслению мира.

В параграфе 3.2. «Персоналистическая монадология П.Е. Астафьева» выявляются персоналистические аспекты философской системы Астафьева и особенности органицизма в его социальной философии.

В параграфе доказывается, что философская система Астафьева носит персоналистический характер не только в силу наследуемого ею от лейбницианства понятия монады, частным случаем которой является человеческая личность, но и благодаря основному новшеству его монадологии: в основание правильной системы мира Астафьев предлагает положить человеческое «я», тот внутренний опыт, который очевиден и который, следовательно, нет необходимости постулировать. Иными словами, признавая достоинство системы Лейбница, Астафьев считает единственным подходящим началом философии *cogito* Декарта.

Диссертант отмечает также другое важное новшество монадологии, наследуемый ею от Мен де Бирана антисубстанциализм: субъект понимается здесь не как субстанция, но как «сама себя знающая деятельность», доступная непосредственному самонаблюдению.

В параграфе кратко воспроизводится логика построения философской системы Астафьева, которая основывается на анализе внутреннего опыта, и в которой мир описывается как совокупность «субъект-объектов» (индивидуальных деятельных волей и объективированной в виде «привычек» их прошлой деятельности), каждый из которых является действительной или потенциальной личностью. В рамках этой системы Астафьев также

предпринимает попытку обосновать существование Бога (как Трансцендентной воли) и бессмертие души.

В конце параграфа диссертант анализирует органицизм Астафьева, который в его монадологии находит логическое обоснование: социальный организм во всём подобен человеку, душа которого представляет собой центральную монаду для сложного комплекса монад, составляющих его тело. И тот и другой представляют собой иерархически организованные комплексы монад, подчиняющиеся одним и тем же законам. В параграфе прослеживаются параллели между органицизмом Леонтьева и Астафьева.

В четвёртой главе «Персоналистические аспекты полемики между философами русского консерватизма» рассматривается сходства и различия между взглядами представителей русского консерватизма, печатная и заочная полемика между ними.

В параграфе 4.1. «Основные направления полемики между К.Н. Леонтьевым, Н.Н. Страховым и П.Е. Астафьевым» диссертант обращается к анализу различий во взглядах исследуемых мыслителей, как нашедших отражение в печатной полемике, так и реконструируемых диссертантом на основании изложения взглядов философов в их работах.

В качестве основной темы полемики между Леонтьевым и Астафьевым диссертант выделяет вопрос о роли национальной политики, который послужил поводом для ссоры двух мыслителей. Астафьев отстаивал положительное историческое значение не только национального начала, но и национализма (национальных движений), в то время как Леонтьев к национальным движениям («племенной политике») относился негативно, констатируя её неизменно эгалитарный и антинациональный итог. В параграфе демонстрируется, что, помимо поверхностного понимания Астафьевым Леонтьева и очевидных терминологических расхождений между ними, данный спор был вызван принципиальным расхождением в их социальной философии. Опираясь на анализ М.А. Прасолова и М.Б. Смолина, диссертант приходит к заключению, что оба мыслителя в своей философии абсолютизируют человеческую индивидуальность, для полноценного развития которой, однако, требуются своеобразные «опоры». Различие же между ними состоит в том, что Астафьев признаёт в качестве единственно возможной опоры наличные социальности, в то время как Леонтьев относится к ним скептически, признавая только строгую «принудительную» государственность и, в целом, факторы власти и силы, и рассуждает о возможности новой комбинации социально-политических и

исторических сил, которые смогли бы играть роль такой «опоры» в будущем. Также в параграфе рассматривается и другой вопрос, разделявший позиции двух мыслителей, – их отношение к пессимизму Шопенгауэра и Гартмана, который представлялся Астафьеву опасным симптомом современного ему искажения, обезличивания религиозного сознания, но был принят Леонтьевым как верный в своём принципиально скептическом отношении ко всем видимым земным благам и полезный как противовес обезличивающему эвдемонистическому сознанию, стремящемуся построить всеобщий мещанский рай для человечества, и как промежуточный этап разочарования в прогрессистском «оптимистическом» мировоззрении перед принятием «положительной религии». Диссертант отмечает, что позиция Страхова по отношению к пессимизму, хотя он и не излагает её столь же последовательно, ближе к пониманию Астафьева.

Полемика между Страховым и Астафьевым, в свою очередь, рассматривается в параграфе в основном вокруг оценки философского мировоззрения Л.Н. Толстого. Если Страхов, хорошо знавший Толстого лично, последовательно выступал его апологетом, защищал в сборнике «Критические статьи об И.С. Тургеневе и Л.Н. Толстом» и вообще при всяком удобном случае устно и письменно вступался за него, то Астафьев причислял учение Толстого к наиболее вредным влияниям своего времени, искажавшим нарождающееся возвращение религии в духовную жизнь общества. Он отмечал обезличенный характер этики Толстого, противоречащий христианскому персонализму.

Диссертант приводит также фрагмент переписки Страхова с Розановым, в котором Страхов выражает своё несогласие с концепцией развития Леонтьева, аргументируя его несколько поверхностно, что не остаётся незамеченным Розановым.

Параграф 4.2. «Личные отношения в русском консерватизме» завершает анализ полемики трёх представителей русского консерватизма рассмотрением их личных отношений и обоснованием их идейного единства.

Основываясь на переписке и некоторых работах исследуемых авторов, диссертант демонстрирует сложность личных отношений представителей русского консерватизма, но при этом отмечает старательно сохранявшуюся на протяжении всего времени сознательную объективность в оценке других консервативных философов, сознательное отделение личного от идейно-философского. Особо при этом отмечается тот факт, что непростые личные отношения представителей русского консерватизма основывались на осознании единства собственного «лагеря» и пользы для общего дела, которое иногда

оказывалось сильнее личной неприязни. По мнению диссертанта, наиболее последовательным сторонником единства консервативного лагеря был Леонтьев, апеллировавший к этому единству едва ли не в каждом письме (как превращенном в предназначенную для журнальной публикации статью, так и в приватном) и строго различавший в своих оценках личность и пользу для общего дела. С его подходом контрастируют критические отзывы Страхова, который не только испытывал взаимную личную неприязнь к Леонтьеву, но и, в переписке с Розановым, вольно или невольно переходил от обличения «личной безнравственности» Леонтьева к заявлениям об отсутствии в философии последнего «стройности и законченности». В свою очередь, изначально дружеские отношения Леонтьева и Астафьева были со временем испорчены из-за взаимного непонимания. Тем не менее, ими всеми осознавалась принадлежность к одному направлению русской мысли.

В заключении формулируются основные выводы диссертационного исследования.

Публикации по теме диссертации

Публикации в журналах, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией для публикации результатов диссертаций на соискание учёной степени доктора и кандидата наук:

1. Авдеев О.К. Личность и индивидуальность в философии Константина Леонтьева. // Вестник Воронежского государственного университета. – 2010 – №1 – С. 135-141 (0,4 п.л.).
2. Авдеев О.К. Личность и индивидуальность в философии Николая Страхова // Административное право и процесс. – 2011 – №8 – С. 50-51 (0,2 п.л.).